

© Бакланов А.Г.¹

Европа и Ближний Восток: адаптация к новым геополитическим реалиям

***Аннотация.** Статья посвящена анализу современного состояния отношений между Европейским союзом и государствами региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Эти отношения имеют давнюю и весьма сложную историю, и сегодня происходит их дальнейшая трансформация и адаптация к реалиям нового формирующегося многополярного мирового порядка. В статье рассматриваются основные тенденции, складывающиеся в связи с перестройкой как глобальной системы международных отношений, так и региональной конфигурации связей стран БВСА с Европой в целом и отдельными европейскими державами.*

Автор указывает, что Европа и БВСА различаются не только в культурном, религиозном и экономическом отношении. Европа является интегрированным комплексом и пытается действовать на международной арене как единое целое. Напротив, в странах БВСА так и не сформировались общерегиональные институты. Региональные организации (Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз арабского Магриба и др.), в которые входит часть стран БВСА, демонстрируют весьма скромные результаты в сфере интеграции. Объемы торговли между соседями по региону относительно невелики, попытки сформулировать некие

¹ Бакланов Андрей Глебович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель секции исследований стран Ближнего Востока и Северной Африки, Департамент зарубежного регионоведения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; заместитель Председателя Ассоциации российских дипломатов.

принципы, отражающие общие политические интересы арабских стран, до сих пор не принесли ощутимых результатов.

Автор приходит к выводу, что в ближайшем будущем страны БВСА будут принимать различные меры по укреплению своего экономического и финансового суверенитета. Тем не менее они еще не готовы отстаивать свои интересы на европейском направлении в жесткой конкурентной борьбе и поэтому в международных вопросах будут стремиться к выработке компромиссных решений и лавированию между «центрами силы».

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, Европейский союз, Турция, Израиль, Палестина.

В настоящее время в контексте возникновения нового международного политического и финансово-экономического порядка происходит переформатирование отношений между отдельными крупными (масштаба континентов и регионов) сообществами государств. Это относится, в частности, к государствам – членам Европейского союза и к странам региона Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), примыкающего в геополитическом отношении к европейскому субконтиненту.

Европа и Ближний Восток имеют давнюю, непростую, неоднозначную историю отношений. В середине XX в., после получения арабскими государствами региона политической независимости, начался новый этап в развитии этих отношений. Сегодня мы наблюдаем их дальнейшую трансформацию и адаптацию к реалиям формирующегося полицентричного мирового политического и финансово-экономического уклада. Меняются статус, значимость отдельных стран и их объединений, складывается новое соотношение потенциалов государств и коалиций. Это достаточно длительный процесс, но уже сейчас становятся заметны некоторые характерные черты новой реальности, которая будет во многом отличаться от послевоенного устройства, на протяжении многих десятилетий определявшего направления и форматы деятельности ООН и устанавливавшего правовые нормы поведения государств.

Сегодня Европа и БВСА значительно различаются по своим геополитическим характеристикам: это связано, в частности, с определенными особенностями их исторического развития.

Европейские государства по итогам Второй мировой войны получили возможность утвердить свою роль в мире на путях отрицания фашизма и реваншизма, войти в Объединенные нации на

условиях, сформулированных державами-победительницами (Тегеран, Ялта, Потсдам). Европейский регион быстрее других регионов мира продвигался по пути интеграции, по пути создания общих политических и финансово-экономических институтов с элементами надгосударственного устройства.

Ближний Восток пошел по иному пути. С одной стороны, здесь так и не сформировались общерегиональные институты. Региональные организации – Лига арабских государств (ЛАГ), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Союз арабского Магриба (САМ), в которые входит часть стран БВСА, пока демонстрируют весьма скромные результаты в области интеграции. По данным Международного валютного фонда, в 2021 г. объем внутрирегиональной торговли стран БВСА, несмотря на географическую, языковую и культурную близость государств региона, составлял всего 18,5% от общего объема их экспорта и всего 17,8% от общего объема торговли. Основная доля внутрирегиональной торговли приходится на шесть государств – экспортеров нефти, входящих в ССАГПЗ, – Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман, Катар, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты [Saidi, Prasad, 2023]. С другой стороны, арабские страны составили костяк Движения неприсоединения, «Группы 77», формата «юг-юг».

Двусторонние и многосторонние связи между Европой (во многом отождествляемой с интеграционными органами Евросоюза) и странами БВСА успешно развивались на протяжении десятилетий, но так и не вышли на уровень приоритетного и доверительного партнерства. События, связанные с вмешательством европейских стран в события в Ливии, Ираке, фактический отказ стран – участниц ЕС в решающий момент поддержать, казалось бы, близкий им режим Х. Мубарака в Египте, многолетнее затягивание вопроса о «допуске» Турции в ЕС, миграционные проблемы, – все это создавало довольно невыгодный фон для продвижения к новому уровню развития отношений по линии Европа – БВСА.

Существенное влияние на эти процессы оказывала политика третьих стран, в первую очередь, – США. В послевоенной Европе американское влияние было весьма значительным: как в силу союзнических отношений, так и в силу действия финансовых и экономических рычагов. Однако в стратегическом пространстве БВСА Вашингтон, несмотря на проведение активной (и даже агрессивной) политики и широкое использование силовых методов, так и не сумел обеспечить себе «право вето», позволяющее контро-

лизовать решения региональных правительств. В отношениях США с государствами БВСА преобладают различные формы компромиссных договоренностей.

Сегодня общий ход событий в мире, динамично развивающиеся процессы в сфере новейших технологий, промышленные и торговые трансформации требуют, чтобы Европа и Ближний Восток перешли к выстраиванию новых по своему характеру отношений.

Европейские страны стремятся добиться более тесного взаимодействия со странами БВСА в сфере безопасности, в военно-политических вопросах. Характерным примером европейского подхода является аргументация, представленная международно-признанным военным экспертом Ж.-Л. Самааном, который отмечает, что регион Ближнего Востока, Восточного Средиземноморья, Красного моря не получает достаточного внимания со стороны военного руководства США. Американцы предпочитают делать акцент на противоборстве с Россией в акватории Балтики, в северных широтах, а также в Атлантике и в акватории Тихого океана. Между тем в Ближневосточном регионе сохраняется опасность нападений на торговые суда со стороны бандформирований, пиратов XXI в., а возможности ВМС европейских стран сокращаются – в период с 1999 по 2018 г. число европейских военных кораблей надводного флота в регионе сократилось на 30%, а численность подводных лодок – на 20% [Samaan, 2024]. Поэтому Ж.-Л. Самаан ставит вопрос о необходимости перехода к более тесной кооперации ВМС стран – участниц ЕС и НАТО, с одной стороны, и стран БВСА – с другой [ibid.].

Как же выглядит на сегодняшний день подход государств БВСА к формированию взаимоотношений с Европой, с ЕС? Необходимо отметить, что для руководителей ближневосточных стран это очень деликатный и непростой вопрос, особенно с учетом все более жесткого и системного санкционного и иного давления Запада.

Хотя политики и представители экспертного сообщества стран БВСА стараются предельно осторожно и осмотрительно действовать в публичном поле, в контактах со СМИ, в доверительных беседах представители ближневосточных государств выражаются более откровенно: они выступают против попыток стран «коллективного Запада» вести диалог с позиций «патернализма», как «старший с младшим»; они настаивают, что стереотипы колониального периода должны остаться в прошлом.

В наибольшей мере подобные настроения сегодня характерны для элит стран Персидского залива, а также крупных ближневосточных стран – Египта, Турции.

Политики и эксперты государств Персидского залива отмечают, что по размерам ВВП на душу населения, показателям социального развития и уровня жизни их страны уже начинают обгонять страны ЕС. Сложившийся ранее и навязанный Западом «ранжир» государств, согласно которому европейские страны автоматически причисляются к ведущим акторам международных отношений, создающим «модели» государственного устройства и нормы демократии, а государства БВСА относятся к «развивающимся странам», «формирующимся экономикам», которые должны выслушивать поучения стран с «богатым демократическим опытом», больше не устраивает ближневосточные государства, прежде всего, Саудовскую Аравию, Катар, ОАЭ. Такие оценки звучали в ходе состоявшегося в октябре 2025 г. в Каире конгресса Организации солидарности народов Азии и Африки [Об участии ... , 2025]. В выступлениях участников четко звучала мысль о том, что в предстоящие годы страны «не-Запада» (в том числе – ближневосточные государства) должны инициировать работу по выработке новых критериев для определения «современных государств» – в соответствии с интересами и подходами «глобального большинства». При этом немало говорилось о многочисленных негативных характеристиках той модели общественного и экономического развития, которую европейские государства продвигают в качестве «эталона».

Сегодня государства БВСА, рассчитывая, что европейские страны адаптируют свой подход к взаимоотношениям с окружающим миром, ожидают от Европы ярких инициатив, которые были бы востребованы в странах региона. Это относится, в частности, к более справедливому использованию цифровой экономики и инструментов искусственного интеллекта.

Но сможет ли Европа играть лидирующую роль в будущем? Европейские политики и представители европейского экспертного сообщества все чаще признают, что нет. Так, Н. Точчи, директор итальянского Института международных отношений (*ит.* Istituto Affari Internazionali, IAI), и М. Яхья, директор ливанского Центра Карнеги по Ближнему Востоку им. М.Х. Керра (*англ.* M.H. Kerr Carnegie Middle East Center), утверждают: «На протяжении десятилетий европейцы по привычке рассматривали своих южных соседей – Северную Африку и Ближний Восток – сквозь призму евро-

центризма. Европа стремилась распространять в регионе свои нормы, правила и ценности с помощью “мягкой” силы в различных областях – от торговли до сотрудничества в области безопасности и политического диалога. Причины такого подхода следует искать в колониальном прошлом Европы». Подобные «традиции» мешают европейским странам изменить курс в отношениях с ближневосточными государствами, перейти к более сбалансированным, взаимовыгодным взаимодействиям [Tossi, Yahya, 2022, p. xxii].

Все более серьезным раздражающим фактором в отношениях европейцев с мусульманскими государствами БВСА становится рост ксенофобии в Европе, очевидными проявлениями которого являются антимусульманские выступления.

В 2022 г. Агентство ЕС по основным правам (*англ.* EU Fundamental Rights Agency, FRA) провело опрос населения (коренных европейских жителей и мигрантов) с целью выявить основные тенденции в распространении расовых и этноконфессиональных предрассудков. Результаты опроса свидетельствовали о дальнейшей деградации ситуации в этой области: респонденты отмечали, что «отчуждение и враждебность» на расовой почве во всех сферах жизни неуклонно возрастают. Процент жителей европейских стран, которые лично сталкивались с проявлениями расовой дискриминации, за период с 2016 по 2022 г. вырос с 24% до 34%. Увеличилось количество проявлений расовой дискриминации, ксенофобии при поиске работы, в сфере образования. Наиболее тревожная динамика наблюдалась на рынке жилья: за сравнительно короткий период с 2016 по 2022 г. число проявлений расовой дискриминации здесь выросло почти в 5 раз. Также возросло и количество тяжких преступлений, совершенных на почве национальной или конфессиональной неприязни. 4% опрошенных заявили, что они подвергались нападениям в контексте проявлений расизма [Report on the implementation ... , 2024, p. 2].

Подобные настроения значительно усилились на фоне резонансных событий в зоне палестино-израильского противостояния – после нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последующего применения правительством Б. Нетаньяху масштабных силовых мер «коллективного наказания» палестинцев.

Пытаясь поддержать свой авторитет в ближневосточных странах, Евросоюз провел ряд мероприятий для оказания воздействия на общественное мнение в странах – участницах ЕС. Были разработаны стратегии по борьбе с проявлениями расизма и анти-

мусульманскими настроениями; странам-участницам было рекомендовано разработать аналогичные стратегии на национальном уровне. По данным на 2024 г., 11 государств – членов ЕС – Бельгия, Германия, Ирландия, Греция, Испания, Франция, Латвия, Мальта, Португалия, Финляндия, Швеция – приняли национальные планы действий против расизма и ксенофобии; Дания, Италия, Люксембург, Венгрия и Австрия готовятся принять такие планы [Report on the implementation ... , 2024, p. 10]. Однако, судя по имеющейся информации, общая эффективность принимаемых мер по-прежнему остается на низком уровне.

На важнейшем ближневосточном направлении – взаимоотношениях с *арабскими странами* – европейские государства стремятся максимально использовать свой потенциал в сфере многосторонних инструментов, исходя из того, что сложившийся высокий уровень интеграции, отработанные схемы деятельности органов ЕС дают «коллективной Европе» значительные преимущества в конкурентной борьбе за влияние в регионе БВСА. Европейцы прилагают немалые усилия для того, чтобы в этом регионе в качестве партнерских региональных институтов им помогали региональные многосторонние структуры.

ЕС укрепляет связи со штаб-квартирой Лиги арабских государств в Каире, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союзом арабского Магриба, формирует структуры Евро-средиземноморского партнерства [Rivetti, Savatorta, 2016, p. 770]. Руководители ЕС и стран – членов объединения стремятся сформировать в ближневосточных странах когорту влиятельных политических деятелей и представителей финансово-экономических структур, дружелюбно настроенных к странам «коллективного Запада», продвигают неолиберальные идеи и концепции среди элит Ближневосточного региона [ibid.].

В начале 2020-х годов руководители и представители экспертного сообщества ЕС, делая прогнозы о дальнейшем развитии событий на Ближнем Востоке, часто высказывали опасения по поводу возможного сокращения присутствия или даже «ухода» США из региона. Л. Скаццерини, один из ведущих исследователей Центра проблем реформирования Европы (*англ.* Centre for European Reform), утверждал: «Европа должна исходить из того, что на наших глазах появляется новый Ближний Восток, – регион, который будет характеризоваться гораздо более низким уровнем напряженности при уменьшении влияния и вовлеченности Соединенных

Штатов, остававшихся здесь самой влиятельной внешней державой со времен Второй мировой войны и до настоящего времени». Л. Скаццерины полагал, что снижение интереса США к Ближнему Востоку обусловлено переориентацией Вашингтона на азиатское направление, на противостояние с Китаем [Scazzieri, 2023]. Наиболее существенными из событий на Ближнем Востоке эксперт считал нормализацию отношений между прежними «вечными противниками» – суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном, – совершившуюся при довольно неожиданном для европейских стран посредничестве Китая, а также заключение ряда соглашений о нормализации отношений между Израилем и некоторыми арабскими странами – ОАЭ, Бахрейном, Марокко – так называемые «Соглашения Авраама». В этом контексте Л. Скаццерины особенно выделял заключенные в марте 2022 г. при содействии США соглашения между Израилем, Бахрейном, Египтом и Марокко о формировании рабочих групп для обсуждения в совместном формате таких важных вопросов, как защита окружающей среды, развитие «чистой» энергетики, политика в области региональной безопасности [ibid.].

Однако реальное развитие событий пошло по иному пути в результате террористической атаки ХАМАС на территории Израйла в октябре 2023 г. Вслед за этим, после вторичного избрания Д. Трампа на пост президента США, активность Вашингтона на Ближнем Востоке не только не уменьшилась, но, наоборот, значительно возросла.

На этом фоне изменились и рекомендации экспертов. Многие представители экспертного сообщества заговорили о том, что в новых условиях оптимальной политической линией для Европы на Ближнем Востоке является поддержка усилий США, а не попытка выработать собственную стратегию действий. Э. Яари, сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики (*англ.* Washington Institute for Near East Policy), в статье, посвященной политике Европы, отмечал: «Европе придется играть “вторую скрипку” на Ближнем Востоке, – регионе, где после Первой мировой войны в течение многих лет она пыталась отыгрывать ведущую роль. Но сегодня это довольно сложно – Ближний Восток стал свидетелем жесткой конкуренции между США и Россией (обе страны сохраняют военное присутствие в разных ближневосточных странах), а также борьбы между США и Китаем (в технологической и экономической сферах). Сейчас главный вопрос для ЕС

и Великобритании заключается в том, как именно они должны помогать формированию американской политики в регионе и в какой степени должны принимать участие в скоординированных усилиях по недопущению “сползания” Ближнего Востока в пучину войн, обнищания, банкротства, массового перемещения беженцев к северным берегам Средиземного моря. Попытки ряда европейских правительств самостоятельно инициировать урегулирование кризисов в регионе оказались тщетными. Франция и Италия проводили противоречивую политику в Ливии и не смогли добиться воссоединения разделенной страны под руководством эффективного правительства. Поистине жалкая настойчивость Франции в посредничестве в Ливане лишь доказала свою неуместность. Приверженность Евросоюза решению палестино-израильского конфликта на основе принципа создания двух государств и финансовая поддержка палестинских властей со стороны ЕС не помогли исправить ситуацию на этом фронте. То же самое можно сказать и о европейской дипломатии в Сирии с момента начала разрушительной гражданской войны в 2011 году» [Yaari, 2024].

Э. Яари рекомендует Европе сосредоточиться на решении вопроса, от которого во многом будет зависеть будущее самих европейских стран, – недопущение массовой иммиграции. В этом контексте он отмечает также, что низкие темпы экономического развития крупнейшей страны региона – Египта – «могут стать причиной возникновения мощной миграционной волны, которая захлестнет Европу... это бомба замедленного действия, которая готова взорваться» [ibid.].

Большинство европейских политиков полагают, что в интересах Европы – формирование как можно более стабильной, прогнозируемой ситуации на Ближнем Востоке. Помимо прочего, это необходимо для бесперебойного снабжения Европы энергоносителями, что особенно важно сейчас: поставки с Ближнего Востока, наряду с американскими, должны сыграть основополагающую роль при отказе европейских стран от поставок российских энергоносителей. В свое время, принимая во внимание соображения безопасности, европейские страны способствовали подготовке Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Однако в дальнейшем, с учетом своих атлантических обязательств и требований США, они были вынуждены присоединиться к возвращению санкционного режима против Ирана.

Отношения европейских стран с *Турцией* имеют определенную специфику.

Турция – член НАТО, однако ее многолетние попытки получить полноправное членство в ЕС не дали искомых результатов. Переговоры шли с разной степенью интенсивности, но так и не привели к вступлению Турции в Евросоюз.

После Арабской весны 2011 г. отношения Анкары с рядом арабских стран заметно осложнились: Турцию обвиняли в том, что на волне смены режимов и осложнения политической обстановки в регионе она использует исламистские организации для укрепления своих позиций в арабском мире.

Однако, по мнению многих специалистов, после 2020 г. Анкара взяла курс на восстановление более близких отношений с Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ, чтобы упрочить свое положение в качестве визави Европы. После переизбрания на пост президента Турции в мае 2020 г. Р. Эрдоган заявил, что хотел бы изменить характер взаимоотношений своей страны с европейскими государствами. На саммите НАТО в Вильнюсе в июле 2023 г. он снял свои возражения в отношении присоединения Швеции к НАТО, а также дал обещание возобновить переговоры с Грецией для достижения урегулирования в вопросе о размежевании морских территорий с целью хозяйственного освоения месторождений в Эгейском море [Scazzieri, 2023].

На протяжении многих лет ЕС придерживался политики «параллельного» развития связей с *Израилем и руководством Палестинской национальной автономии*.

В 1995 г. было подписано Соглашение об ассоциации между ЕС и Израилем, направленное на обеспечение «регулярного политического диалога» по вопросам, касающимся либерализации торговых связей, свободного движения капитала, взаимодействия в сфере услуг. В 2005 г. был подписан двусторонний План действий ЕС–Израиль, в котором фиксировались конкретные параметры интеграции Израиля в рыночные механизмы ЕС. Помимо прочего, Израиль вошел в число участников программы ЕС по проведению совместных научных исследований.

ЕС – крупнейший торговый партнер Израиля. В 2022 г. общий объем торговли между ЕС и Израилем составил 36,9 млрд евро (12,6 млрд в импорте и 24,3 млрд в экспорте) [Akgül-Açıkmеше, Özel, 2024].

Партнерство между ЕС и Палестинской национальной автономией (ПНА) также имеет вполне определенную правовую основу. В 1997 г. ЕС и ПНА подписали Соглашение об ассоциации в области торговли и сотрудничества. С мая 2013 г. в практику был введен механизм подписания трехлетних Планов действий ЕС – ПНА, в 2022 г. был утвержден очередной такой план на период до конца 2025 г.

Тем не менее практические результаты в сфере торговли между ЕС и ПНА остаются весьма скромными. В последнее время ежегодный объем торговли между ЕС и ПНА оставался на уровне примерно 200 млн евро. При этом экспорт из Палестины в ЕС (в основном сельскохозяйственная и сырьевая продукция) составлял менее 30 млн евро в год. Основной канал взаимодействия ЕС с ПНА и сектором Газа – предоставление палестинцам гуманитарной помощи. Зависимость палестинцев от гуманитарных поставок исключительно велика. До трагедии 7 октября 2023 г. 2,1 млн из 5,3 млн палестинцев нуждались в гуманитарной помощи [Akgül-Açıkmeşe, Özel, 2024].

ЕС, позиционирующий себя как ведущего мирового донора гуманитарной помощи, за период с 2021 по 2024 г. предоставил Палестине около 1,5 млрд евро в рамках финансовой и гуманитарной поддержки. Программы помощи в области здравоохранения, образования и социальных услуг включали выплату заработной платы учителям, врачам и социальным работникам, работающим в лагерях беженцев; в рамках программ развития предусматривалось создание новых рабочих мест для палестинцев и обеспечение доступа нуждающихся к воде и электроэнергии. С 2000 г. Департамент Еврокомиссии по вопросам гуманитарной помощи и защиты гражданского населения оказывает Палестине гуманитарную помощь в тесной координации с местными и региональными международными организациями. До трагических событий, последовавших за терактом ХАМАС, ЕС в течение пяти лет предоставил сектору Газа и Западному берегу реки Иордан гуманитарную помощь на сумму более 852 млн евро [ibid.].

После событий 7 октября 2023 г., на фоне стремительного ухудшения гуманитарной ситуации в секторе Газа и на Западном берегу, ЕС значительно нарастил объемы своей гуманитарной помощи. В 2023 г. он выделил более 102 млн евро, а в 2024 г. – около 125 млн евро. Кроме того, ЕС инициировал операцию «Гуманитарный воздушный мост» для оказания помощи пострадавшим от

гуманитарного кризиса в регионе, в рамках которой был организован 31 авиарейс и перевезено более 1070 т гуманитарных грузов.

Некоторые исследователи усматривают по подходе ЕС к оказанию гуманитарной помощи «работу на две стороны». Так, сотрудники стамбульского Университета Кадир Хас С. Акгюль-Ачикмеше и С. Озель высказывали мнение, что ЕС в какой-то мере подыгрывает Израилю, «фактически освобождая Тель-Авив от издержек его экспансионистской политики и политики контроля над палестинскими землями, несмотря на то, что, согласно международному праву, все издержки должны ложиться на плечи Израиля как страны-оккупанта» [Akgül-Açıkmeşe, Özel, 2024].

Резонансные события, связанные с атакой ХАМАС на территорию Израиля и последующей военной кампанией Израиля в секторе Газа, поставили ЕС в сложное положение. С одной стороны, в данном случае традиционный курс ЕС на поддержку Израиля (в том числе – в контексте согласованной с США линии поведения в ближневосточном конфликте) оказался под вопросом вследствие крайне негативной реакции международного сообщества на «непропорциональные» действия израильских вооруженных сил и сил безопасности на палестинских землях. С другой стороны, нужно было как-то реагировать на происходящее. ЕС провел несколько встреч в верхах по этой тематике, по итогам которых Европейский совет принял резолюцию, включавшую набор требований гуманитарного характера [EU position ... , 2025].

Европейский совет выразил сожаление по поводу тяжелой гуманитарной ситуации в секторе Газа, неприемлемых масштабов голода и большого числа жертв среди гражданского населения; призвал к немедленному прекращению огня, безусловному освобождению всех заложников, окончательному прекращению боевых действий; призвал Израиль полностью снять блокаду сектора Газа, обеспечить немедленный, беспрепятственный доступ в анклав гуманитарной помощи и ее устойчивое распределение по всей территории анклава; потребовал дать возможность агентствам и гуманитарным организациям ООН независимо и беспристрастно работать в секторе Газа для спасения жизней палестинцев и уменьшения их страданий. Помимо прочего, Европейский совет напомнил о необходимости обеспечить защиту всех гражданских лиц, включая гуманитарных работников, а также защиту гражданской инфраструктуры, в том числе медицинских учреждений, школ и помещений, принадлежащих ООН. Европейский совет

заявил о своем «решительном осуждении эскалации на Западном берегу, в том числе на территории Восточного Иерусалима», а также о своей обеспокоенности в связи с расширением незаконных израильских поселений на этих территориях и ростом насилия со стороны поселенцев и призвал «продолжить работу по выработке дальнейших ограничительных мер в отношении поселенцев и экстремистских организаций, которые их поддерживают». При этом Европейский совет также высказался за принятие новых «ограничительных мер» в отношении ХАМАС [EU position ... , 2025].

В резолюции также указывалось, что Европейский союз подтверждает свою приверженность принципу урегулирования палестинской проблемы на основе сосуществования двух государств и выражает готовность поддерживать Палестинскую администрацию и ее программу реформ [ibid.].

В сентябре 2025 г. несколько европейских стран, включая Великобританию, Францию, Португалию, Бельгию, Люксембург, Мальту, Монако, Сан-Марино, Андорру, объявили о «признании» Палестинского государства¹.

Представляется, что в нынешних условиях «признание» Палестины рядом европейских стран вряд ли можно считать «актом солидарности» с палестинцами. Этот шаг не помог остановить израильские бомбардировки и «непропорциональные» силовые акции против мирных жителей сектора Газы. В арабских странах этот шаг был воспринят неоднозначно. Некоторые арабские политические деятели отмечали, что Европа хочет отделаться «декларациями», когда от нее требуются жесткие действия по пресечению масштабных силовых акций Израиля.

Особо следует остановиться на взаимоотношениях ЕС со **странами – участницами ССАГПЗ**. Важность этих отношений обусловлена не только огромным финансовым, инвестиционным потенциалом монархий Залива, но и тем, что закупки ближневосточной нефти становятся насущной необходимостью для Европы, в том числе – из-за санкций, которые страны Евросоюза ввели в отношении поставок энергоносителей из РФ.

В 2023 г. торговля со странами ЕС составляла около 11% общего объема товарооборота стран – участниц ССАГПЗ (экспорт в ЕС превышал 93 млрд евро, импорт составлял около 76 млрд евро),

¹ Ирландия, Испания, Норвегия, Словения объявили о «признании» Палестинского государства в 2024 г., Швеция – в 2014 г. (Прим. ред.).

причем 75% экспорта в ЕС из стран ССАГПЗ приходилось на поставки нефти: объем поставок вырос с 16,4 млрд евро в 2020 г. до 58,4 млрд евро в 2023 г., т.е. в 3,5 раза [EU trade ... , 2025].

ЕС ведет переговоры о заключении Соглашений о свободной торговле (ЗСТ) с государствами ССАГПЗ. Существенный импульс этим переговорам придала разработка таких инициатив, как запуск Диалога ЕС–ССАГПЗ по торговле и инвестициям (2017), Диалога ЕС–ССАГПЗ по диверсификации экономики (2019), также проведение в октябре 2024 г. в Брюсселе Первого саммита ЕС–ССАГПЗ. В настоящее время наиболее успешно продвигается проект соответствующих договоренностей между ЕС и Объединенными Арабскими Эмиратами.

Тем не менее с начала 2020-х годов ведущие позиции в торговле стран – участниц ССАГПЗ занимает Китайская Народная Республика, «оттеснившая» ЕС на второе место. Однако сегодня ЕС предпринимает дополнительные меры для возвращения утраченных позиций; при этом особое значение придается сотрудничеству в области инвестиций.

28 из 80 наиболее масштабных двусторонних инвестиционных соглашений стран ССАГПЗ заключены с государствами – членами ЕС (со стороны ЕС лидируют Франция, Италия и Германия, имеющие договоры со всеми шестью странами ССАГПЗ, со стороны ССАГПЗ наибольшее число договоров со странами – участницами ЕС имеют Кувейт и ОАЭ) [Sidlo, 2025].

В последнее время значительно расширилось взаимодействие ЕС и стран ССППЗ в области безопасности. Ранее монархии Залива полностью полагались на гарантии США в этой сфере. Однако после событий 2019 г., когда американские средства ПВО оказались малоэффективны при отражении атаки дронов и крылатых ракет на нефтяные объекты Саудовской Аравии, страны – участницы ССППЗ начали укреплять сотрудничество в области безопасности с другими партнерами, в том числе – со странами ЕС.

В октябре 2025 г. в Кувейте прошел Форум высокого уровня, на котором министры иностранных дел ССАГПЗ и Европейского союза обсудили широкий круг вопросов, связанных с морской безопасностью, кибербезопасностью, борьбой с терроризмом, а также готовностью реагировать на стихийные бедствия и чрезвычайные ситуации.

В 2024 г. страны ЕС приняли решение развернуть в Красном море масштабную военно-морскую операцию EUNAVFOR

ASPIDES для «защиты международного торгового судоходства». В том же году был подписан Протокол о сотрудничестве между Координационным центром реагирования на чрезвычайные ситуации ЕС и Центром по управлению чрезвычайными ситуациями ССАГПЗ. Многие эксперты полагают, что эти шаги свидетельствуют о достижении нового, более высокого уровня сотрудничества между ССАГПЗ и ЕС в сфере безопасности.

Еще одна сфера взаимодействия ЕС со странами – участниками ССАГПЗ – внедрение интеллектуальных технологий и обеспечение цифрового перехода.

Саудовская Аравия и ОАЭ стремятся занять ведущие позиции в этой области, позиционируя себя как крупнейшие цифровые хабы. Они осуществляют амбициозные программы строительства масштабных «городов будущего», а основными внешними партнерами при реализации этих программ будут США и ЕС.

Однако между ЕС и странами ССАГПЗ существуют разногласия по некоторым принципиальным вопросам, в первую очередь – по климатической повестке и проблемам, связанным с внедрением альтернативной энергетики. В рамках своей климатической стратегии ЕС продвигает технологии «улавливания и хранения углерода» (*англ.* carbon capture and storage, CCS), однако арабские государства все более решительно противостоят попыткам западных стран получить односторонние привилегии в вопросах регулирования перехода на возобновляемые и низкоуглеродные виды энергии в тех формах, какие предлагаются по линии ЕС. Правда, в последнее время активность Запада в этом вопросе несколько снизилась, но окончательно этот «раздражающий элемент» в отношениях между ЕС и ССАГПЗ пока не исчез.

В исследовательской и образовательной областях страны ССАГПЗ проявляли повышенный интерес к масштабным программам ЕС «Горизонт 2020» (*англ.* Horizon 2020) и «Горизонт Европа» (*англ.* Horizon Europe). Они приняли участие в 32 проектах в рамках этих программ. В высших учебных заведениях ЕС обучаются примерно 9 тыс. студентов из государств ССАГПЗ; однако в США и Великобритании учится в 3 раза больше студентов из этих стран. Поэтому ЕС планирует в ближайшем будущем значительно расширить программы по обмену студентами и преподавателями между ведущими вузами и научными центрами Европы и ССАГПЗ [Sidlo, 2025].

В настоящее время уже очевидно, что возврат к «патерналистскому» способу взаимодействия между Европой и ближневосточной «периферией» невозможен. Однако процесс адаптации отношений европейских и ближневосточных стран к новым геополитическим реалиям пока находится на начальных стадиях.

Позиции стран – участниц ССАГПЗ в области инвестиционного потенциала постепенно укрепляются. Растет образовательный уровень населения региона. В ОАЭ, Саудовской Аравии, Катаре, Омане опережающими темпами продвигается цифровизация, в том числе – в сфере управления. Вместе с тем даже наиболее успешные страны региона пока заметно отстают от ЕС в области разработки, диверсификации и производственного использования передовых, прорывных научных разработок, а также в деле создания собственных эффективных видов современных вооружений.

В обозримом будущем страны БВСА будут стремиться к укреплению своего экономического и финансового суверенитета, упрочению своих позиций в сфере науки и технологий. Однако, поскольку они пока не готовы отстаивать свои позиции на европейском направлении в жесткой, конфронтационной борьбе, их политика в международных (в том числе – финансово-экономических и технологических) вопросах будет сводиться к выработке компромиссных решений, гибкому лавированию между «центрами силы».

Эти особенности политики стран БВСА важно учитывать при разработке стратегии РФ в ближневосточных делах.

Литература / References

Об участии заместителя председателя АРД в работе конгресса ОСНАА в Каире. (2025) / МИД РФ. – Москва. – 30.10. – URL: – https://mid.ru/ru/about/social_organizations/association/2056554/ (дата обращения: 18.12.2025) [On the participation of the Deputy Chairman of the ARD in the work of the AAPSO Congress in Cairo [*Ob uchastii zamestitelya predsdatelya ARD v rabote kongressa OSNAA v Kaire*]. (2025) / MFA Russia. – Moscow. – 30.10. – URL: – https://mid.ru/ru/about/social_organizations/association/2056554/ (date of access: 18.12.2025)]. (In Russian).

Akgül-Açıkmeşe S., Özel S. (2024). EU policy towards the Israel–Palestine conflict : the limitations of mitigation strategies // *The international spectator*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 59, Issue 1. – P. 59–78. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03932729.2024.2309664> (date of access: 18.12.2025).

EU position on the situation in the Middle East. (2025) / European Council ; Council of the European Union. – Brussels. – 23.10. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-position-situation-middle-east/> (date of access: 18.12.2025).

EU trade relations with the Gulf Cooperation Council. (2025) / European Council ; Council of the European Union. – Brussels. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eu-gcc-trade/> (date of access: 18.12.2025).

Report on the implementation of EU anti-racism action plan 2020–2025 and on national action plans against racism and discrimination. (2024) / European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers. – Brussels. – 25 p. – URL: https://commission.europa.eu/document/download/4968fa88-5350-48d9-bf36-abd3c0142aa8_en?filename=Report%20Antiracism.pdf (date of access: 18.12.2025).

Rivetti P., Cavatorta F. (2016). EU foreign policy and the Middle East // SAGE handbook of European foreign policy / Jørgensen K.E., Aarstad A.K., Drieskens E., Laatikainen K., Tonra B. (Eds.). – Thousand Oaks, CA : Sage Publishing. – P. 766–778.

Saidi N., Prasad A. (2023). A mercantile Middle East / International Monetary Fund. – Washington, D.C. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/fandd/issues/2023/09/a-mercantile-middle-east-nasser-saidi-aathira-prasad> (date of access: 18.12.2025).

Samaan J.-L. (2024). Securing European interests from the Mediterranean to the Persian Gulf : rethinking EU strategic autonomy at sea / European Institute of the Mediterranean. – Barcelona. – URL: <https://www.euromesco.net/publication/securing-european-interests-from-the-mediterranean-to-the-persian-gulf-rethinking-eu-strategic-autonomy-at-sea/> (date of access: 18.12.2025).

Scazzieri L. (2023). Europe and a new Middle East / Centre for European Reform (CER). – London. – 05.10. – URL: <https://web.archive.org/web/20231204042043/https://www.cer.eu/insights/europe-and-new-middle-east> (date of access: 18.12.2025).

Sidlo K. (2025). Calibrated engagement : evolving relations between the EU and the Gulf region / EU Institute for Security Studies (EUISS). – Paris. – 10.07. – URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/calibrated-engagement-evolving-relations-between-eu-and-gulf-region> (date of access: 18.12.2025).

Tocci N., Yahya M. (2022). Foreword // Routledge handbook of EU–Middle East relations / Bouris D., Huber D., Pace M. (Eds.). – Abingdon-on-Thames : Routledge. – P. xxii–xxiv. – URL: <https://www.iai.it/en/publicazioni/c08/routledge-handbook-eu-middle-east-relations> (date of access: 18.12.2025).

Yaari E. (2024). Europe can still make a difference in the Middle East / Washington Institute for Near East Policy. – Washington, D.C. – 02.07. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/europe-can-still-make-difference-middle-east> (date of access: 18.12.2025).

© Baklanov A.G.¹

Europe and the Middle East: adapting to new geopolitical realities

Abstract. *The article analyses the current stage of development in relations between the European Union and the countries of Middle East and North Africa (MENA) region. These relations have a long and complex history, and today are undergoing further transformation and adaptation to the realities of the emerging multipolar world order. The article seeks to identify the key trends arising in connection with the restructuring of both the global system of international relations and the regional configuration of contacts between the MENA countries and Europe as a whole, as well as with individual European powers. The author points out that Europe and the MENA region differ not only in cultural, religious and economic terms. Europe is far more integrated and often seeks to act as a single entity on the international stage. In contrast, in the MENA countries, true region-wide institutions have never been formed. Regional organizations – such as the Arab League, the Gulf Cooperation Council, the Arab Maghreb Union, etc., which include some MENA countries, – demonstrate very modest results in terms of integration. Intra-regional trade among neighboring countries remains relatively low, and attempts to to formulate certain principles reflecting the common political interests of Arab countries have so far failed to produce tangible results.*

The author concludes that in the near future, MENA countries will take various measures to strengthen their economic and financial sovereignty. However, they are not yet ready to defend their interests on the European direction in a tough competitive struggle and therefore, in international issues, they will strive to develop compromise solutions and maneuver between «centers of power».

Keywords: *Middle East and North Africa, EU, Turkey, Israel, Palestine.*

Статья поступила в редакцию (Received) 19.11.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 21.11.2025
Принята к публикации (Accepted) 24.11.2025

¹ **Baklanov Andrey Glebovich** – PhD in History, professor, Head of the Middle East and North Africa Studies Section, Department of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University; Deputy Chairman of the Association of Russian Diplomats.